

Николай Васильевич Гоголь

Нос

I

Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цирюльник* Ива́н Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте, проснулся довольно рано и услыхал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его вынимала из печи только что испечённый хлеб.

– Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофий, – сказал Ива́н Яковлевич, – а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.

Ива́н Яковлевич, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил лук, взял в руки нож и принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел... нос!.. Ива́н Яковлевич стал протирать глаза и щупать*: нос, точно нос! и ещё как будто чей-то знакомый. Ужас* изобразился в лице Ива́на Яковлевича.

– Где это ты, зверь, отрезал нос? – закричала жена. – Мошеник*! Пьяница! Я сама на тебя донесу* полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трёх человек слышала, что ты во время бритья так теребишь* за носы, что еле держатся.

Но Ива́н Яковлевич был ни жив, ни мёртв*. Он узнал, что этот нос был коллежского асессора* Ковалёва, которого он брил каждую среду* и воскресенье.

– Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в угол, пусть там малёнько* полежит, а после его вынесу.

И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?..

Ива́н Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал – и не знал, что подумать. «Чёрт его знает, как это сделалось», – думал он. Достал он своё платье и сапоги, завернул* нос в тряпку и вышел на улицу.

Он хотел его куда-нибудь сунуть* или нечаянно* выронить*, но на беду ему попадался какой-нибудь знакомый человек. Он решился идти к Исакиевскому мосту, чтобы как-нибудь бросить его в Неву...

Ива́н Яковлевич был пьяница.

Этот гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он осмотрелся; потом нагнулся* на перила* и кинул тряпку с носом. Он даже усмехнулся от облегчения и отправился в заведение с надписью: «Кушанье и чай», чтобы спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста надзирателя. Тот кивал ему пальцем и говорил: «А подойди сюда, любезный и скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?»

Ива́н Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, ничего неизвестно.

II

Коллежский ассессор* Ковалёв проснулся рано и сделал губами: «брр...», что всегда он делал, когда просыпался. Ковалёв потянулся, взял зеркало. Он хотел посмотреть на прыщик*, который вчера вскочил у него на носу; но к величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалёв велел подать воды и протёр полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал проверять рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Ковалёв вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!.. Он оделся и полетел прямо к полицмейстеру.

Необходимо сказать что-нибудь о Ковалёве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский ассессор. Ковалёв был *кавказский* коллежский ассессор. Он два года только ещё состоял в этом звании, не называл себя коллежским ассессором, но всегда называл себя майором.

Майор Ковалёв имел обыкновение каждый день прогуливаться по Невскому проспекту. Он носил множество печаток* с гербами и хорошо одевался. Майор Ковалёв приехал в Петербург искать приличного места. Он был не прочь и жениться; но только, когда за невестой есть двести тысяч капитала. И понятно каково было положение этого майора, когда он увидел вместо носа преглупое, ровное и гладкое место.

Как на беду, ни один извозчик не показывался на улице, и он пошёл пешком, закрыв платком лицо.

Вдруг он встал у дверей одного дома; перед подъездом остановилась карета*; дверцы отворились; выпрыгнул*, согнувшись*, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и изумление Ковалёва, когда он узнал, что это был собственный его нос! Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире*, с большим воротником; и сбоку шпага*. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру*: «Подавай!», сел и уехал.

Бедный Ковалёв чуть не сошёл с ума. Он не знал, что и подумать о таком странном происшествии. Как же можно, чтобы нос, который ещё вчера был у него на лице, – был в мундире! Он побежал за каретой, которая проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором.

Он поспешил в собор, вошёл в церковь и искал глазами этого господина по всем углам. Наконец, увидел его, стоявшего в стороне. Нос спрятал лицо своё в большой стоячий воротник и ...молился.

«Как подойти к нему?» – думал Ковалёв. – По всему: по мундиру, по шляпе видно, что он высокого чина*. Чёрт его знает, как это сделать!»

– Милостивый государь*, – сказал Ковалёв.

– Что вам угодно? – отвечал нос, повернувшись.

– Мне странно... мне кажется... вы должны знать своё место. И вдруг я вас нахожу и где же? – в церкви. Согласитесь...

– Извините меня, я не могу понять, о чём вы говорите... Объяснитесь.

«Как мне ему объяснить?» – подумал Ковалёв и, собравшись с духом, начал объяснять...

– Ничего не понимаю», – отвечал нос. Изъяснитесь понятнее.

– Я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь всё дело, кажется, совершенно очевидно... Ведь вы мой собственный нос!

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились*.

– Вы ошибаетесь. Я сам по себе. Сказав это, нос отвернулся и продолжал молиться.

Ковалёв совершенно смешался, не зная что делать и что даже подумать. Он оборотился с тем, чтобы напрямик сказать господину в мундире, что он плут и подлец и что он его собственный нос... Но носа уже не было: он успел ускакать, вероятно, опять к кому-нибудь с визитом.

Это повергло Ковалёва в отчаяние*. «А чёрт возьми!» – сказал Ковалёв. – Эй, извозчик, вези прямо к полицмейстеру!

Но он передумал и решил ехать в газетную экспедицию*.

– Кто здесь принимает объявления*!? – закричал Ковалёв.

– Вам что угодно? – наконец, ответили, обратившись к Ковалёву.

– Я прошу... – сказал Ковалёв, – случилось мошенничество... или плутовство*. Сбежал от меня... нос...».

– Гм! Какая странная фамилия! И на какую сумму этот господин Носов обокрал вас?

– Нос, то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Чёрт! хотел подшутить надо мной!

– Да, каким же образом пропал? Я что-то не могу понять.

– Да я не могу вам сказать, каким образом, но главное то, что он ездит теперь по городу и называет себя советником. Вы посудите*, как же мне быть без такой заметной части тела? Мне теперь и к знакомым женщинам нельзя явиться».

Чинóвник задумался.

– Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, – сказал он после долгого молчания.

– Как? отчего?

– Так. Газета может потерять репутацию*. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то...

– Да чем же это дело несообразное? Тут, кажется, ничего нет такого.

– Нет, такого объявления я никак не могу поместить. Если нос пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос. Но я замечаю, что вы должны быть человек веселый и любите в обществе пошутить.

– Пожалуй, я покажу вам.

– Зачем беспокоиться! Впрочем, желательнее бы взглянуть.

Коллежский асессор отнял от лица платок.

– В самом деле, чрезвычайно странно! – сказал чиновник, – место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин.

– Ну, вы теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вам буду особенно благодарен.

– Напечатать-то, конечно, дело небольшое, – сказал чиновник, – только я не вижу в этом никакой для вас выгоды. Мне жаль, что с вами случился такой анекдот*.

Ковалёв вышел из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайноному любителю сахара.

Частный детектив принял довольно сухо Ковалёва и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что наевшись надо немного отдохнуть.

То есть, *не в бровь, а прямо в глаз**! Нужно заметить, что Ковалёв был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог простить всё, что ни говорили о нём самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию. Приём частного детектива так его обидел, что он сказал с чувством достоинства, немного расставив свои руки: «Признаюсь, что я ничего не могу прибавить», – и вышел.

Когда он приехал домой, то были уже сумерки.

Вошедши в свою комнату, майор, усталый и печальный, бросился в кресло и после нескольких вздохов сказал:

– Невероятно, чтобы нос пропал; каким образом невероятно. Это, наверное, во сне снится, может быть, я как-нибудь ошибкой выпил вместо воды водку, которой вытираю после бритья себе бороду. Он потихоньку приблизился к зеркалу и сначала зажмурил* глаза, но в ту же минуту отскочил назад.

Это было непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, но пропасть и кому же пропасть и ещё на собственной квартире!